

2207

ЧИТАЯ
ЖУРНАЛЫ...

НОВЫЙ
МИР

Рецензия, переходящая в открытое письмо
Владимиру Карпову по случаю его юбилея

Владимир Карпов, «Полководец». Документальная повесть. № 5-8, 1982.

ТОЛЬКО что напечатанная повесть Владимира Карпова «Полководец» всколыхнула во мне столько воспоминаний — теперь уже давних и позднейших, но тоже очень дорогих, что сразу же скажу: я не знаю, что сейчас напишу, во всяком случае не обычную и привычную рецензию.

Я читаю у Карпова: «По служебным делам ему часто приходилось бывать в штабе армии. Здесь Иван Ефимович (генерал армии Петров, герой повести, один из прославленных полководцев Великой Отечественной. — А. К.) познакомился с человеком, который надолго вошел в его жизнь близким другом. Это был полковник Николай Иванович Крылов, он работал тогда заместителем начальника оперативного отдела Приморской армии».

Я читаю эти первые в повести строчки о Николае Ивановиче и тут же вижу дощатую трибуну в дальневосточном Ворошиловске-Уссурийском. 3 сентября 1945 года. День Победы над империалистической Японией, последний день всей мировой. И на трибуне среди военных, принимающих парад, — генерал Крылов, тот самый, что начинал войну полковником. Крупный, тяжеловатый, даже на трибуне, даже в такой день он лишь иногда слегка улыбается. Я знаю, что он, может быть, единственный человек, от первого до последнего дня оборонявший Одессу, от первого до последнего дня — Севастополь, от первого до последнего дня — Сталинград. Под Севастополем был тяжело ранен, один из осколков мины остановился в нескольких миллиметрах от сердца, предлагали срочно эвакуироваться на Большую землю, нет, он остался не только в севастопольском госпитале, но и на посту начальника штаба Приморской армии. Знал все, что происходит на фронте, подписывал все документы, так что на самом фронте далеко не всем было известно, что он не один день был на грани жизни и смерти.

Об этом есть у Владимира Карпова.

И я слышу глуховатый и удивительный, как бы играющий всеми живыми интонациями голос Николая Ивановича, его рассказ, услышанный мною много позже: «Как-то иду из штаба домой и вдруг слышу за сараем возню. Подошел поближе, но так, чтобы не заметили, и увидел, что мои молодые солдаты играют в ножички. Двадцать седьмого года рождения... Я тихо отошел, чтобы не мешать, пусть играют, но с какой-то тоской подумал: а что, если в войне с японцами кого-то из них убьют? Совсем дети... И на другой день приказал своим хозяйственникам достать хоть из-под земли мяса, побольше мяса и получить кормить ребят, а занятия сократить на два часа. Пусть ребята, ведь в войну росли, поокрепнут...»

Бывшие солдаты призыва двадцать седьмого, теперь вы намного старше тогдашнего Крылова, ему в сорок пятом было сорок два, вспомните, живые, многие из вас ему обязаны жизнью.

Я вижу одно из застолий в метельный московский вечер шестьдесят девятого года, я собирался написать книгу о Крылове, после одной из бесед с ним и был ужин. В центре застолья был, конечно, Крылов. Маршал. Заместитель министра обороны. Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения. Вот по поводу этих ракет и поднялся со своим тостом один генерал: «Я хочу выпить за главнокомандующего самыми грозными, самыми мощными...» Тут его Крылов и оборвал. «Поставь рюмку на стол», — сказал он с какой-то тихой и твердой внушительностью. И мне, единственному штатскому в этой компании, сидевшему на-

Владимир КАРПОВ — курсант Ташкентского военного пехотного училища имени В. И. Ленина. 1941 год.

терь было меньше. «Линия фронта для него всегда состояла из живых людей, многих из которых он знал в лицо», — пишет Карпов. И это не красивая фраза, мы прочитаем ее после того, как не один раз убедимся, что все оно так и было на самом деле.

Вот он только что появился на Южном фронте, в Одессе, в должности командира 25-й Чапаевской дивизии, да, той самой, которой когда-то командовал сам Чапаев. И первое, что делает: тут же идет на передний край. «У него было такое правило: он должен знать всех командиров, с кем ему предстояло служить, — от командиров взводов и выше». Обратите внимание: взводов! И он идет на передовую, хотя там сущая кутерьма, и сразу же вклю-

стоянно был в моей душе, хотя многие годы реально находился где-то далеко». Это очень похоже на признание в любви, а с таким чувством нельзя писать плохо, равнодушно-то во всяком случае.

И Владимир Карпов написал книгу горячую, пышущую жаром вроде бы давно отгремевших боев. Конечно, давно: сорок лет — хороший срок. Но такие это были бои, что и сейчас опалют сердце равнодушно читающего. «Хочу обратить внимание на то, что при защите четырех из десяти городов-героев — Одессы, Севастополя, Керчи и Новороссийска — одним из руководителей боевых действий наших войск был генерал И. Е. Петров» — это тоже из начала книги. И перед нами, помимо биографии

Как-то мне сказали: «Прочитай в семьдесят восьмом томе «Литературного наследия» материалы о Карпове». Я прочитал, узнал из опубликованного там «Наградного листа», как он бесстрашно воевал, сколько захватил одних «языков», и я прочитал там же его «Несколько дней из военных лет» — что-то вроде автобиографических фрагментов. Это документ такой силы, что я и эпитета к нему не могу подобрать: «потрясающий» — и то мягко, и то привычно. Попадётся вам в руки этот том, прочтите, и непременно тогда вы в полную меру ощутите то мужественное спокойствие, лишь иногда вибрирующее туго натянутыми нервами, с каким пишет Карпов. Вы поймете природу этого спокойствия, которое действует на читателя куда сильнее, чем открытая взволнованность тона. Эта природа в характере самого писателя — человека высочайшего мужества. Я видел его в критические моменты и в мирное время. И в мирное время случаются сложные переплеты — он оставался всегда самим собой. Этот тон мужественного спокойствия я отчетливо слышу

СПОКОЙНОЕ ЛИЦО МУЖЕСТВА

против него: «За что он собирается пить, Алексей Иванович? А? Мы вынуждены иметь эти ракеты (с нажимом сказал он это «вынуждены»), но пить за них нельзя, пойми, генерал, на всю свою жизнь пойми, нельзя!» У меня нет никакой уверенности в том, что эти слова прочтут те, кто блокировал в США договор ОСВ-2, но как много говорят они, слова эти, о нашем миролюбии.

Я читаю у Карпова: «Незнакомец представился: капитан Ковтун... В 1981 году я разыскал Андрея Игнатьевича Ковтуна. Сейчас ему восемьдесят первый год, он генерал-майор запаса, живет в Симферополе, автор нескольких мемуарных книг».

И я вспоминаю Ковтуна, в сером, скромном костюме, тихого, спокойного, ничем не напоминающего военного, а он командовал полком еще в гражданской; я вижу его в «Новом мире», там впервые появились в 1963 году его мемуары как раз об обороне Севастополя. Оказываются, жив! Андрей Игнатьевич, сердечный привет вам, я отлично помню, как вы умно вели разговоры о рукописи, как высоко отозвался о ней Александр Трифонович Твардовский...

Ну, я читатель особый. Я знаю многих и многое, о чем пишет Владимир Карпов, так же, как только от него впервые узнал гораздо больше, чем знал. Последнее, пожалуй, самое удивительное: ведь я не только ко-чет знал, но и тоже изучал материалы и выпустил книжку. Но насколько она бледнее и беднее того, что пишет Владимир Карпов! Он демонстрирует высокий класс в документалистике. Только факты, одни факты, ничего, кроме фактов, а постепенно возникает образ легендарного полководца, судьба уникальная, человек, ни на кого не похожий и в то же время очень родственный многим воевавшим и не воевавшим. Человек из народа.

На войне как на войне, говорили в старину. Прежде всего на войне убивают. Войн без смертей не бывает. Народность характера героя повести — генерала Петрова в том, что он был безудержно смел и самоотвержен, когда дело касалось его жизни, презирал любую опасность и страдал, переживал, когда приходилось терять людей. Он потому и был смел, что ему всякий раз хотелось, чтобы по-

четается в боевую работу. «Что это — бравата? — спрашивает писатель. — Желание показать новым подчиненным свою храбрость? Пренебрежение к традиционным формальностям по приему и сдаче командования соединением?» И тут же отвечает: «Ни то, ни другое, ни третье. Петров исходил из главного — необходимости остановить врага, стабилизировать линию фронта на участке дивизии». Он мог даже сознательно идти на опасность, врезаться в нее, проскикаявая простреливаемые участки на подножке машины. Ему запрещали это делать как командиру дивизии, а он продолжал именно такие поездки. Не из-за упрямства или лихачества. Просто с подножки в горячке боя, когда судьбу этого боя порой решают минуты, ему было виднее, куда и как надо спешить на помощь.

И он же, Петров, уже будучи командующим Приморской армией в Севастополе, когда все было напряжено до предела, каждая минута на счету, мог приехать в госпиталь, как только узнал о смертельном ранении героической пулеметчицы Нины Ониловой, а потом, несмотря на свою занятость, был на ее похоронах. И это он, узнав о ранении начальника штаба армии Крылова (ох, как они во многом похожи один на другого, вспомните-ка то, что я написал о крыловских солдатах, играющих в ножички...), отдал распоряжение не замечать Крылова никем, он знал, что Крылову так будет легче переносить тяжелое ранение.

Владимиру Карпову, он сам об этом пишет, повезло: он с детства знал Петрова, дружил с его сыном Юрием, нелепо погибшим в Ашхабаде после печально знаменитого землетрясения, бывал в их доме, когда комбриг Петров командовал Ташкентским военным пехотным училищем имени В. И. Ленина. Он и в училище это поступил потому, что перед ним как бы постоянным примером «делать жизнь с ког» был Иван Ефимович Петров. «Я счастлив, что жизнь свела меня с ним. Судьба моя сложилась бы иначе, менее интересно... если бы я не встретился с этим человеком». Это один из первых абзацев книги. А вся книга как бы дань благодарности яркой личности, к которой автор приблизился, человеку, который «по-

И. Е. ПЕТРОВ — командир 25-й Чапаевской дивизии. Одесса. Сентябрь 1941 года.

Петрова, развертывается широчайшая, многообъемная и многоясная панорама боев за Одессу и Севастополь. Боев поистине исторических. Боев, казалось бы, невозможных. Сколько знаешь и все не перестаешь удивляться «Затем он отдает необходимые распоряжения, редко удается час-два соснуть, и опять возвращается в ставший уже знаменитым домик Потапова». И так знаете сколько дней? Двести пятьдесят! А постоянный вопрос Петрова во время вражеских штурмов: «Живы ли полки?» Чего стоит один этот вопрос! Потому что было вот что, теперь я уже процитирую французского генерала Л. Шассена: «За последние 25 дней осады Севастополя немецкая артиллерия послала на город 30 тысяч снарядов, а авиация Рихтгофена совершила 25 тысяч вылетов и сбросила 125 тысяч тяжелых бомб — почти столько, сколько английский воздушный флот сбросил к этому времени на Германию с начала войны».

Вот что было там, в Севастополе. В Одессе не легче.

Невиданный накал героических боев писатель передает с точностью военного летописца, человека, окончившего Военную академию имени М. В. Фрунзе, работавшего после этого в Генштабе, командовавшего частями нашей армии, и, кстати, знаете где? — там, где когда-то долгое время командовал частями и его герой Иван Ефимович Петров.

И передает со строгой, подобающей самому историческому материалу художественной выразительностью. Здесь не просто найден верный тон. Я не так уж близко знаю Владимира Васильевича Карпова, больше и чаще вижу его по телевизору, там он ведет не один год передачу о героях войны. Но я еще давно читал письма Валентина Овечкина о Карпове, с которым он познакомился в Ташкенте. И Овечкин так хвалил Карпова, а я-то знаю, что понравится Овечкину — о-о! — для этого много чего надо иметь за душой.

в повести. Надеюсь, что услышат и читатели. Может, о мужестве только так и надо писать, хотя в искусстве рецептов и не бывает.

Единственное, с чем я не могу согласиться — это с двумя начальными строчками повести:

«И вот прожита его, да и моя жизнь».

Мне уже шестьдесят. Все главные события позади.

Дорогой Владимир Васильевич! Да побойтесь бога, о какой прожитой жизни вы ведете речь, и откуда нам знать, какие события нас еще ждут впереди. Понимаю: позади много, очень много — и война, и служба в армии, и романы, повести, вот только что объявлено о выходе вашего двухтомника, где помещены два ваших романа — «Вечный бой» и «Взять живым!» — о современной армии, о войне. О ней же и ваша повесть о дорогом вам человеке, и пока мы познакомились с первой книгой о Петрове, пока мы только лишь начинаем узнавать то, о чем вы заявили вначале: «Бывали в его военной службе высокие взлеты и неожиданные падения, какая-то роковая несправедливость шла по пятам этого хорошего человека долгие годы. Непонятных загадок в жизни Петрова было немало. Вот и на них надо искать ответы». Что-то из этих ответов уже есть, но впереди еще и Керчь, и Новороссийск, и 2-й Белорусский, и 1-й Украинский, и 4-й Украинский фронты, и вся послевоенная жизнь вашего и нашего прекрасного героя, единственного военного, носившего до конца своей жизни пенсне — вы и это заметили. — тоже ведь одна из загадок, далеко не главная, но все же...

Понимаю: шестьдесят лет — годы не такие малые. Но еще и годы мудрости — так принято, и правильно принято, думать.

Так что впереди у вас годы мудрого творчества. Да пойдут они во благо, вам и нам, вашим многочисленным читателям.

Алексей КОНДРАТОВИЧ